

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТРИ ПАРАДИГМЫ СЕМИОТИКИ ВЛАСТИ: СОПРЯЖЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

Санников Сергей Викторович

*канд. ист. наук, начальник управления международных связей администрации
Губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области
630007, РФ, г. Новосибирск, Красный проспект, 18
E-mail: sannikov_s@ngs.ru*

THE THREE PARADIGMS OF THE SEMIOTICS OF POWER: INTERFACE AND PROBLEM SETTING

Sergey Sannikov

*Ph.D. in History, Head of the Department of International Relations,
Administration of the Governor and Regional Government, Novosibirsk
630007, Russia, Novosibirsk, Krasny prospect, 18*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается возможность выработки междисциплинарного методологического подхода к формированию семиотики власти. На основании типологии В. Дрехслера выделяются четыре формы отношения семиотических исследований к проблеме изучения власти. Анализируются и сопоставляются подходы К. Мэндоки и М. Зифкеса к формированию методологических оснований семиотики власти. Выявляются перспективные направления дальнейшего исследования и обозначаются методологические предпосылки для реализации указанных направлений.

ABSTRACT

The article focuses the possibility of elaboration of cross-disciplinary methodological approach to formation of the semiotics of power. Four possible forms of relation of a semiotic research to the problem of power are revealed upon the basis of W. Drechsler's typology. The approaches of K. Mandoki and M. Siefkes to formation of the methodological bases of the semiotics of power are analyzed and compared. The author designates the perspective directions of a further research and formulates methodological prerequisites for realization of the specified directions.

Ключевые слова: семиотика власти; потестарная имагология; семиотика культуры; биосемиозис; зоосемиозис; антропосемиозис.

Keywords: semiotics of power; political imagology; cultural semiotics; biosemiosis; zoosemiosis; anthroposemiosis.

На основании типологии В. Дрехслера [3] можно условно выделить четыре формы отношения семиотических исследований к изучению публичной власти:

1. концепции и заключения семиологов, касающиеся проблемы власти;
2. политические исследования, основанные на семиотических методах;
3. семиотическая теория, которая может быть применена к анализу институтов и процедур власти;
4. собственно «семиотика власти» (отраслевая дисциплина, как например, «политическая философия»).

Если к первым трем из вышеперечисленных разделов может быть отнесено весьма значительное количество работ, начиная от произведений классиков семиологии до многообразных современных исследований языка политики, то к четвертому разделу

(собственно «семиотика власти») можно в полной мере отнести лишь несколько современных исследований.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках данной статьи «семиотика власти» рассматривается как направление, смежное политической семиотике, но не тождественное ему. Если политическая семиотика подразумевает исследование пространства политической действительности с помощью семиотических инструментов (как правило, такое исследование подразумевает анализ политического дискурса), то семиотика власти подразумевает обращение к семиотике культуры [см.: 5, 226, 230-231], анализ знакового измерения власти в контексте процессов семиосферы, выходящих за рамки собственно политического пространства. Как весьма точно отметил Р. Барт, «некогда мы полагали, что власть – это сугубо политический феномен; ныне считаем, что это также феномен

идеологический, просачивающийся даже туда, где его невозможно распознать с первого взгляда, – в социальные учреждения, учебные заведения... и мы начинаем догадываться, что власть гнездится в наитончайших механизмах социального обмена, что ее воплощением является не только государство, классы и группы, но также и мода, расхожие мнения, зрелища, игры, спорт, средства информации, семейные и частные отношения» [1].

Одна из первых попыток системного подхода к формированию комплексной методологии семиотики власти представлена в исследовании К. Мэндоки «Власть и семиозис» [4]. Работа представляет собой добротный анализ классических концепций власти, выработанных социальной философией XX столетия, с точки зрения правомерности их семиотической трактовки. Весьма характерно, что отправным тезисом рассуждений автора является именно принципиальная возможность опровергнуть предположение П. Бурдьё о методологической ограниченности сосюрговской семиологии с точки зрения анализа институтов и процедур власти.

В целях преодоления ограничений сосюрговской модели власть помещается К. Мэндоки в позицию десигната в знаковой триаде Ч. Пирса, причем автор проводит различие между естественной властью (power) и властью политической (political), отмечая, что для первой формы власти достаточно знака и интерпретатора, тогда как вторая форма власти подразумевает наличие сложившейся системы политических отношений.

В рассматриваемой работе власть анализируется в контексте семиотического процесса, включающего четыре компонента: тело, место, капитал и дискурс. Опираясь на модели власти М. Фуко, П. Бурдьё и М. Шитс-Джонстон автор ставит целью продемонстрировать, как каждый из перечисленных компонентов участвует в формировании власти в многообразных формах знаковых коммуникативных процедур от зоосемиозиса до антропосемиозиса. Обзор начинается с рассмотрения библейских примеров лингвосемиотических актов власти (наречение имени в процессе акта творения) и переходит к анализу семиотических аспектов коммуникации в контексте социо-топографии, т.е. социального измерения (пространства циркуляции) власти, в котором индивиды занимают соответствующую позицию. Автор последовательно анализирует различные аспекты концепции власти в интерпретации М. Фуко и П. Бурдьё, а именно: социальные институты, социальный капитал, дискурс и тело как объект власти. Наконец, в завершающей части работы К. Мэндоки рассматривает биогенеалогическую власть, опираясь на исследование М. Шитс-Джонстон.

Аккумуляция капитала оценивается автором как стратегия формирования власти в человеческих сообществах. Капитал (социальный, символический, экономический и т.д.) при этом выступает ключевым аспектом производства власти, которая нуждается в средствах демонстрации. Таким средством в человеческих и животных сообществах выступает семиотический процесс. Дискурсивные стратегии власти, по

мнению К. Мэндоки, выстраиваются в четырех регистрах коммуникации: соматических (телесных), акустических, иконических (визуальных) и вербальных (последний канал возможен только в человеческих сообществах).

Принципиально иной методологический подход к проблеме семиозиса власти представлен в работе М. Зифкеса «Власть в обществе, экономике и ментальности: к семиотической теории власти» [5]. Мартин Зифкес поставил целью доказать, что семиотический процесс является не просто актом демонстрации власти, он, собственно, и представляет собой осуществление власти. Для доказательства данного тезиса автор анализирует семиотические аспекты следующих коммуникативных ситуаций, связанных с проявлением власти:

1. Президент государства или известная личность делает заявление, которое, независимо от уровня аргументированности, широко освещено во всех СМИ, и которое будет по этой причине, если оно, конечно, не совершенно неправдоподобно, оказывать влияние на многих людей. Другие люди могут весьма аргументированно и детально оспаривать данное заявление, но на их доводы обратит внимание лишь незначительное количество людей.

2. Состоятельная женщина решает приобрести себе роскошную недвижимость. Она покупает участок земли с соседями, которые испытывают на себе непосредственное влияние от ее действий; использует большое количество артефактов (строительных материалов, мебели и т.д.) и оказывает прямое влияние на жизни многих людей в соответствующий период времени – прежде всего, тех, кто непосредственно или опосредованно вовлечен в процесс строительства.

3. Управляющий бизнесом, подписывая от своего имени документ, приказывает уволить 10 000 служащих. Для многих из этих людей это означает, что они должны искать нового работодателя, а также сменить образ жизни (в связи с новой работой, возможным переездом, уровнем зарплаты и т.д.). Для некоторых из них решение управляющего означает безработицу и спуск по социальной лестнице.

Опираясь на трактовку власти М. Вебера и исследовательскую модель семиотики культуры Р. Познера, автор приходит к выводу о возможности манифестации власти в трех измерениях культуры: ментальной культуре (mental culture), социальной культуре (social culture) и материальной культуре (material culture). Данным измерениям соответствуют три вида власти: «власть осуществлять интерпретацию» (power of interpretation), проявляющаяся в различных сферах интеллектуальной и духовной культуры, «власть распоряжения» (power of disposition), отождествляемая, прежде всего, с собственностью, и «власть положения» (power of position), которая проявляется, преимущественно, посредством институтов. Если К. Мэндоки в своей работе разделяет естественную, основанную исключительно на законах природы, «власть» (power) и «политическую власть» (political power), то М. Зифкес идет дальше в вопросе выделения различных оттенков власти, разделяя

«естественный авторитет» (natural authority), «искусственный авторитет» (artificial authority) и различные формы «власти» (power), включая актуальную (actual) и потенциальную (potential) власть.

Таким образом, первый пример автор рассматривает в контексте проявления власти в ментальной культуре как «власть осуществлять интерпретацию», второй пример рассматривается как проявление власти в материальной культуре посредством «власти распоряжения», а третий пример иллюстрирует осуществление власти в социальной культуре как «власть положения».

Необходимо отметить, что работы К. Мэндоки и М. Зифкеса являются важным вкладом в становление теоретических оснований семиотики власти, и обе они в определенной степени дополняют друг друга. При этом, однако, в рассмотренных исследовательских моделях семиотики власти могут быть отмечены и общие пробелы. Прежде всего, авторы практически не уделяют внимание вопросам репрезентации власти, в то время как именно репрезентация выступает одной из основных форм гипостазирования власти в посттрадиционных обществах, сменяясь симуляцией в эпоху гиперреальности.

Представляется возможным отметить и иные спорные моменты. В частности, вызывает определенные сомнения категоричное разграничение стратегий достижения власти в мире людей и мире животных жесткими схемами биологического (в случае животного мира) и социо-топографического (в случае человеческих сообществ) детерминизма, обозначенное в исследовании К. Мэндоки. Примеры альтернативных факторов можно проследить в известном историческом фильме «The king's speech» (в российском прокате название переведено как «Король говорит»), который ярко демонстрирует ситуацию, при которой психосоматический дефект речи монарха (фактически, биологическая особенность индивида) становится ключевой проблемой в занятии им иерархической ниши, предписанной социальной топографией (наследовании трона).

Список литературы:

1. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Санников С.В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: мифы, чудовища, (интер)тексты (монография) / С.В. Санников. – Москва: Буки Веди, 2016. – 220 с.
3. Drechsler W. Political semiotics // *Semiotica* 173 (1/4). 2009. P. 73–97.
4. Mandoki K. Power and semiosis // *Semiotica*, 151 (1/4). 2004. P.97–114.
5. Siefkes M. Power in society, economy, and mentality: Towards a semiotic theory of power // *Semiotica* 181 (1/4). 2010. P.225–261.

Совершенно очевидно, что в современных исследованиях, выполненных в рамках семиотики культуры и направленных на формирование семиотики власти, целесообразно обратить дополнительное внимание на алгоритмы культурной семиотизации биологического измерения власти. Значительный материал для исследований подобного рода может быть получен в результате изучения архаических культурных практик, характерных для древних и средневековых обществ. Рассматриваемой проблематике, в частности, посвящено исследование автора настоящей статьи «Семиозис власти в семантическом типе культуры: мифы, чудовища, (интер)тексты» [2]. В рамках указанной работы читателю предложена трактовка семиозиса власти как процесса, выходящего за рамки триады Ч. Пирса / диады Ф. де Соссюра / пентады Ч. Морриса. Под семиозисом власти понимается процесс формирования, взаимодействия, восприятия, интерпретации знаков и знаковых образований различного уровня сложности (высказываний, мифов, текстов, идеологий), формирующих/маркирующих иерархические отношения в рамках соответствующих знаковых систем (кодов, курсивов, языков) и знаковых пространств (культур, семосфер, цивилизаций). Это позволяет рассматривать семиозис власти на различных уровнях: от био-семиозиса и лингвосемиозиса до формирования вторичных семиологических конструкций и симуляторов уровня идеологии или политической «покемосферы».

Представляется, что упомянутая выше работа, в которой представлена попытка интегрировать достижения Московско-Тартуской школы (прежде всего, теоретические наработки ее выдающихся представителей Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского) с концепциями власти, представленными в работах постструктуралистской направленности (Р. Барта, М. Фуко, Ж. Бодрийяра), завершает рассматриваемую методологическую триаду.